

Жизнь знаменитых земляков один из достойнейших поводов обратиться к истории родного края. Биография Крылова-баснописца начавшаяся в Южноуральском пограничье стала отправной точкой для появления повести «Капитанский сын» троницкого писателя Павла Дмитриевича Хрипко.

Переключка названия повести со знаменитым произведением А.С. Пушкина оправдана уже предисловием – Павел Хрипко пишет, что именно с лёгкой руки Александра Сергеевича, использовавшего при написании «Истории Пугачёва» самые разные источники, стало известно о детстве Ивана Андреевича Крылова (1769 – 1844), сына капитана Оренбургского драгунского полка.

На Южном Урале, где пограничная служба в крепостях и фортециях Оренбургской линии собрала множество военных всех родов и званий, тянул армейскую лямку Андрей Прохорович Крылов, потомственный солдат и отец русского баснописца, находившийся в Троицкой крепости примерно с 1765 по 1769 год.

«Исследовав жизненный путь капитана, его службу в Оренбургском драгунском полку, можем восстановить недостающие звенья в биографии Ивана Андреевича Крылова»⁸.

Отдав должное архивным документам и внимательно подойдя к изучению всех доступных источников, Павел Хрипко пишет не научно-популярное произведение, но художественную повесть. Подобный способ изложения исторических фактов всегда связан с риском потери научной достоверности. Однако он имеет и очевидные преимущества.

В художественной повести есть место и военным приключениям, и любовной истории, а поэтический язык повествования почти буквально рисует яркие образы. И вот – как будто впервые видишь «золотокорые сосняки», появляются перед глазами «серо-махрястые добытчицы-цапли» и увлекает взгляд «магическая игра красок».

Историческая реальность это не только сухой перечень дат и событий, это всегда и

то, что наполняя собой повседневную жизнь, делая её яркой и напряжённой, при этом нередко остаётся вне сферы внимания профессионального историка.

Можно кратко сказать, что драгуны Оренбургского полка несли службу в Троицке, одной из крепостей, построенных в середине восемнадцатого столетия на границе с кочевой Азией, труднее показать, что стоит за этими скупыми словами.

«С высоты открылись такие дали, что невольно перехватывало дух. Справа, в верстах в двух, синел, радуя глаз, широкой полосой, Уй, за ним, в сизой дымке желтела бескрайняя степь, уходящая за окоём чужой земли. Слева слегка бутрилась долина, укрытая светло-зелёным бархатом берёзовых колков, переходящих в сплошные берёзовые боры, а прямо, верстах в трёх, на крутом яру, дыбилась правильным четырёхугольником Крутоярская крепость, ровесница и Каракульской, и Усть-Уйской, и головной, Троицкой крепости. Они надёжной цепочкой, перемежаясь редутами, пикетами, маяками протянулись до самой Звериноголовской крепости и далее, до горькой линии, пределов Сибирского казачьего войска, оберегая границу матушки России».

Короткий абзац повести как в фокус собирает историю, географию, неброскую красоту Южно-уральской земли. С высоты авторского взгляда внимательный читатель может разглядеть и листья редких берёзовых рощ-колков, и выгоревшую до желтизны бескрайнюю степь, и выведенные по точным чертежам ровные земляные стены русских крепостей, всё, что в восемнадцатом веке останавливало взгляд, казалось русскому человеку непривычным, странным. Мир пограничья, зыбкая грань между своим и чужим.

Благодаря образному языку автора, картины природы занимают важное место в повествовании, создают красочное полотно, из ровного фона на котором протекает жизнь, становятся частью самой жизни, всегда яркой и неожиданной, единственной и неповторимой.

Живость повествования, внимание к родному краю и знание местных говоров позволяют Павлу Хрипко сделать своих персонажей живыми, между намеренной архаизацией языка и неизбежной модернизацией речи найдена золотая середина – жители посада, казаки и солдаты изъясняются вполне понятным русскому человеку языком, при этом не лишённом красок и фольклорных особин. Привнесённых современностью анахронизмов немного («накрахмаленные», «трамплины») а обилие народных присказок-поговорок не затрудняет чтения даже городскому человеку (русская пословица в устах немца-коменданта может вызывать только улыбку).

Некоторая «современность», пожалуй, проглядывает в размышлениях героев о внешней политике и положении простого люда – от гарнизонных офицеров затерянных в российской глухомани даже сейчас трудно ожидать разносторонности и способности сопереживать трудностям «штатских». Однако в целом все разговоры и размышления в повести позволяют лучше представить эпоху, в которой выпало расти будущему баснописцу и поэту Крылову.

В конце концов никто не может с уверенностью сказать, какие именно впечатления и обстоятельства детства формируют личность человека. В написанной широкими мазка-

ми картине Южно-уральского пограничья, где нашлось место народным прибауткам и казённому артикулу, солдатскому быту и нравам кочевников, проведённым по линейке улочкам городов-крепостей и непредсказуемости степных дорог, казакам «особой вольности» и купцам из далёкого Мургаба, – главное достоинство повести Павла Хрипко. И, думается, именно эта красочность полнее всего соответствует авторскому замыслу – восстановить «недостающие звенья» в жизни «поэта Крылова».

Бог весть лежала ли в солдатской укладке капитана Андрея Крылова книжица басен Эзопа – для будущего поэта важны не образцы для творчества, но впечатления, переполняющие душу. «Капитанский сын» рос там, где любой мог быть солдатом в силу обстоятельств и поэтом из-за невозможности говорить обыденной прозой.

Повесть Павла Хрипко развивается по особой логике, здесь сюжетное развитие порой замедляется, трудно выделить ключевой момент истории и можно обратить внимание на то, что в конце повествования мы снова отвлекаемся от жизни драгунского капитана и его сына, так что читателю может не хватить обещанных подробностей биографии Ивана Андреевича Крылова. В недостаточной слаженности повествовательного сюжета следует видеть основной недостаток повести «Капитанский сын».

Однако главная задача автором определённо выполнена – мир детства, определяющий и поступки повзрослевшего человека, в повести Павла Хрипко представлен целостным, ярким и запоминающимся.

И то, что в повести «Капитанский сын» так образно и полно представлен Южный Урал – второй половины восемнадцатого столетия, но узнаваемый и сегодня – является несомненной авторской удачей Павла Хрипко.

Там, где история России благодаря школьным учебникам и хрестоматиям предстаёт ровной столбовой дорогой трудно порой представить, за что можно полюбить её однообразные окрестности. Даже при чтении талантливой повести Пушкина только отчасти понимаешь, на каких подмостках разворачивается драма русской истории, внезапно сводящая вместе капитанскую дочку, поручика Гринёва и Пугачёва, самозваного народного царя.

Повесть Павла Хрипко «Капитанский сын» интересна уже тем, что на её страницах, вдалеке от магистральных линий русской истории, мы можем найти полноценный, яркий, самобытный мир. Вместе с капитаном Андреем Крыловым читателю предстоит понять, что Россия больше, чем кажется. Оказавшись в глубине киргиз-кайсацких степей, благодаря автору мы отчётливо осознаём, что это – «только треть державы, а сколько её ещё на востоке и это всё Россия».

Россия становится поводом для творчества, если она может стать интересной и важной там, где ты живёшь. Повесть Павла Хрипко показывает, как родной край становится необходимой частью творческой биографии, как становятся поэтами и солдатами там, где могут разглядеть Родину в подробностях личной жизни.